

Научная статья
УДК 343.2
<https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>

Валентина Николаевна Куфлева
кандидат юридических наук, доцент
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>, val_swatch@mail.ru

*Кубанский государственный университет
Российская Федерация, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149*

Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы

Аннотация: Введение. Ограничивающий сферу уголовной репрессии взгляд на уголовное право, как на средство регулирования поведения свободных в своей воле людей, всегда корректировался прагматическими соображениями, связанными с необходимостью воздействовать на вредоносное поведение неличностных субъектов. В современном обществе такая необходимость возникает в связи с оценкой социально значимого вреда, источником которого выступают юридические лица и системы искусственного интеллекта, что приводит к попыткам включить их в круг субъектов уголовного права на основе сомнительной с теоретической точки зрения концепции различения субъектов преступления и субъектов уголовной ответственности. **Методы.** При изучении проблемы применялись различные методы, в т. ч. такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права и др. **Результаты.** Очевидно, что вопрос о применении мер воздействия в отношении неличностных субъектов права должен решаться с учетом и на основе философских теорий уголовного права, наиболее привлекательная из которых представляет уголовное право в качестве средства морально-го осуждения поступков, разрушающих систему ценностей, призванных гарантировать стабильность и устойчивость общества и которая не допускает применения мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, не способных к свободному моральному выбору. Сохранение существующих положений о возможности признания субъектом преступления и субъектом уголовной ответственности исключительно человека следует рассматривать как компонент системы сохранения человекомерности уголовного права и защиты права от его дегуманизации.

Ключевые слова: лицо, совершившее преступление, субъект преступления, субъект уголовной ответственности, ответственность юридических лиц, ответственность систем искусственного интеллекта

Для цитирования: Куфлева В. Н. Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3 (103). – С. 207–216; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>.

Original article

Valentina N. Kufleva
Cand. Sci. (Jurid.), Docent
<https://orcid.org/0000-0001-6432-9452>, val_swatch@mail.ru

*Kuban State University
149, Stavropolskaya str., 350040, Krasnodar, Russian Federation*

Perpetrator of a crime: modern challenges and responses

Abstract: Introduction. The view of criminal law as a means of regulating the behaviour of free willed people, which limits the sphere of criminal repression, has always been corrected by pragmatic considerations related to the need to influence the harmful behaviour of non-personal subjects. In modern society there is a need for it in connection with the assessment of socially significant harm, the source of which are legal entities and artificial intelligence systems, resulting in attempts to include them in the category of subjects of criminal law on the basis of the theoretically questionable concept of distinguishing between subjects of crime and subjects of criminal liability. **Methods.** The research was carried out by means of various methods, particularly general scientific methods of cognition, such as analysis, synthesis, generalisation, as well as private scientific - formal-legal, comparative-legal, method of interpreting legal norms, etc. **Results.** It is obvious that the issue of applying measures of influence in relation to non-personal subjects of law should be resolved with regard to and on the basis of philosophical theories of criminal law, the most attractive of which presents criminal law as a means of moral condemnation of acts that destroy the system of values designed to guarantee the stability and sustainability of society, and which does not allow the application of measures of criminal law influence against persons who are not capable of free moral choice. Keeping the current provisions on the possibility of recognising the subject of crime and the subject of criminal liability as exclusively a human being should be considered as a component of the system of maintaining the human aspect of criminal law and protecting the law from its dehumanisation.

Keywords: perpetrator of a crime, subject of a crime, subject of criminal liability, liability of legal persons, liability of artificial intelligence systems

For citation: Kufleva V. N. Perpetrator of a crime: modern challenges and responses // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2024. – № 3 (103). – P. 207–216; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-3-207-216>.

Введение

В отечественной правовой науке и практике к середине прошлого столетия мысль о возможности признания субъектом преступления, субъектом ответственности, субъектом уголовно-правового отношения и как итог – лицом в уголовном праве только человека стала не просто господствующей, но и общепризнанной, была возведена в разряд непререкаемой догмы. Как писал В. С. Орлов, «уголовное законодательство исходит из того, что субъектом преступления может быть только человек, т. е. физическое лицо. ... Эта принципиально правильная и научно обоснованная позиция, занимаемая уголовным законодательством СССР, вытекает из сущности социалистического общественного строя» [1, с. 206].

Между тем это достижение уголовно-правовой теории, выступая мощным ограничителем сферы применения уголовно-правового воздействия и регулирования, по причине именно своего сдерживающего характера всегда оставалось под прицелом критики со стороны некоторых специалистов, причем сила критической оценки всегда возрастала, как правило, на переломных этапах развития государства и общества. В этом отношении вполне закономерно, что трансформационные процессы конца XX века и начала века XXI ознаменовали очередной период попыток пересмотра устоявшейся концепции.

Методы

При изучении вопроса о применении мер воздействия в отношении неличностных субъектов права применялись различные методы, в т. ч. такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез, обобщение, а также частнонаучные – формально-юридический, сравнительно-правовой, метод толкования норм права и ряд других.

Результаты

Не в хронологическом, но в содержательном порядке представим некоторые суждения юристов, значимые для понимания рассматриваемой проблемы.

Так, польские исследователи А. Эльжановский (биолог) и Т. Петжиковский (юрист) в своей совместной работе выступили с решительной критикой сложившегося правового

порядка, при котором за рамки субъектов права выведены животные. Они пишут: «Полувековое царство бихевиоризма (ок. 1920–1980 гг.), в рамках которого рассмотрение психических состояний животных считалось ненаучным, сделало невозможным дискурс о субъектности животных, маргинализировало их гуманитарную защиту и сохранило (вслед за США) их беспощадную реификацию в качестве товара или инструмента производства». Между тем, по их мнению, если исходить из того, что «субъектность есть атрибут, вытекающий из когнитивной способности к сознанию», то в законодательном конструировании субъектности необходимо учитывать тот факт, что млекопитающие, птицы и некоторые другие позвоночные обладают сознанием (т. е. осознанными интересами и ожидаемыми ценностями) и волей (как осознанием собственной агентивности). В свете современного научного знания о животных и его этических импликаций, продолжают авторы, животные должны признаваться неличностными субъектами права с комплексом присущих им специфических прав. «Права животных как неличностных субъектов права, естественно, должны охватывать только определенный, относительно узкий (по сравнению с правами типичных личностных субъектов) перечень базовых прав, соответствующих таким интересам и потребностям животных, которые можно рационально определить и защите которых не препятствовала бы коллизия с другими, имеющими больший вес правами и интересами других субъектов (особенно личностных)» [2, с. 25–37]. Очевидно, что следующим шагом в развитии этой теории вполне может стать реинтеграция животных в сферу уголовно-правовых отношений и придание им статуса, сопоставимого, к примеру, со статусом лиц невменяемых и с потенциальной возможностью применения к ним мер адаптивной коррекции поведения со стороны зоопсихологов.

Не менее парадоксальным выглядит и предложение некоторых отечественных законодателей вернуться к практике коллективных уголовных наказаний, в том числе лиц, не причастных к совершению преступлений. В Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации рассматривался (и к счастью, был снят с рассмотрения) законопроект (внесен депутатом Р. И. Худяковым), которым предусматривалось дополнение Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ) статьей 231, согласно которой предполагалось в случае смерти лица, совершившего преступления террористического характера, признавать виновными и подлежащими уголовной ответственности его близких родственников, если доказано их взаимодействие с этим лицом в течение одного года². При этом основными и единственными наказаниями для таких лиц предполагалась конфискация имущества, арест и конфискация денежных средств с банковского счета, запреты на свободное пересечение государственной границы.

К предложениям подобного рода, с одной стороны, можно относиться как к экзотическим флуктуационным всплескам средневекового сознания в современной общественно-политической жизни. Но, с другой стороны, их нельзя полностью игнорировать, поскольку в действительности они отражают не столько стремление к возрождению отживших правовых норм, сколько попытку использовать имеющийся исторический опыт для решения острых, актуальных проблем дня сегодняшнего.

Если не принимать во внимание признание субъектами уголовного права животных и семейных коллективов, то к числу животрепещущих проблем современности следует отнести вопросы, связанные с решением проблем уголовной ответственности за деяния, в совершении которых задействованы юридические лица и системы искусственного интеллекта.

Уголовная ответственность юридических лиц, исчезнувшая из европейского законодательства в XIX столетии, была возвращена в нормотворческую и правоприменительную практику в середине прошлого века в некоторых странах Европы и США. В теоретическом плане ее обсуждение не прекращалось на протяжении всего XX века, причем традиционно научное сообщество разделилось на сторонников и противников ответственности юридических лиц. Если Ф. Лист, например, писал, что «признание преступных деяний корпораций, поскольку признана их дееспособность, и наказание корпораций, поскольку они являются самостоятельными носителями юридических благ, не только возможно,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Законопроект № 437705-6 «О внесении изменений в главу 4, главу 5, статьи 44, 45, 56, 57 и 59 главы 9, статью 71 главы 10, статьи 205, 205-1, 205-2, 205-3, 205-4, 205-5 и 206 главы 24 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части ужесточения ответственности лиц, совершивших преступления против общественной безопасности, и установления уголовной ответственности близких родственников этих лиц)» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») : [официальный сайт]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/437705-6> (дата обращения: 03.07.2024).

но и вполне целесообразны»³, то Н. С. Таганцев, напротив, указывал, что «в теории уголовного права вопрос об ответственности юридических лиц давно уже разрешен в отрицательном смысле»⁴. При этом он делал важные замечания относительно возможности и необходимости применения мер воздействия в отношении юридических лиц (штрафы, прекращение деятельности и др.), полагая такие меры гражданско-правовыми, административными или политическими, но никак не уголовно-наказательными.

Не изменилась ситуация и по прошествии столетия. Как в период подготовки проектов действующего уголовного закона одни авторитеты отрасли (А. В. Наумов) поддерживали идею признания уголовной ответственности юридических лиц [3, с. 3; 4, с. 28–35], а другие (Н. Ф. Кузнецова) высказывались категорически против нее [5, с. 78–86], так и в настоящее время часть специалистов обосновывают преимущества включения юридических лиц в круг субъектов уголовного права, указывая на активизацию предупредительных и компенсационных начал отраслевого регулирования [6], в то время как иные последовательно предупреждают о непреодолимых при этом нарушении принципов уголовного права и непереносимых социальных издержках [7, с. 97–99].

Аргументы сторонников и противников введения института уголовной ответственности юридических лиц хорошо известны и, что интересно, содержательно не изменялись в принципиальном отношении на всем протяжении уже более чем вековой дискуссии. В том числе и по этой причине не видим своей задачей включаться в детальное обсуждение проблемы. Отметим лишь одно обстоятельство: во всей этой дискуссии, как представляется, крайне бледной, практически необсуждаемой или в любом случае неявно выделяемой, остается связь ответственности юридических лиц (обсуждаемой по преимуществу в прикладном аспекте) с концептуальной категорией лиц в уголовном праве. Причина этого видится в том, что уголовно-правовая доктрина в данном случае опирается на результаты разрешения соответствующих вопросов в теории гражданского права.

Аналогичная ситуация складывается и в связи с рассуждениями об ответственности за причинение вреда, совершаемого с использованием систем искусственного интеллекта, с той лишь принципиальной разницей, что в сфере гражданского права вопрос о субъектном статусе этих систем к настоящему времени принципиально не решен.

Понятие искусственного интеллекта (далее – ИИ) раскрывается в нормативных актах. Под ним понимают комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их⁵. При этом в интересующем нас аспекте наибольшие сложности вызывают так называемые сложные системы, способные к самообучению и самостоятельному принятию решения за рамками заданного алгоритма.

Криминальный потенциал систем искусственного интеллекта не может быть оспорен. Они могут быть использованы и уже реально используются при совершении едва ли не любого преступления. Однако сегодня вопрос об ответственности за вред, причиненный неуправляемой человеком технологией, остается открытым, а существующие правовые инструменты реагирования на него признаются либо неактуальными, либо недостаточными.

Как правило, специалисты говорят о том, что технологии искусственного интеллекта должны признаваться орудиями или средствами совершения преступлений, субъектами которых выступают физические лица, конструирующие, производящие или использующие такие технологии [8, с. 37; 9, с. 138; 10, с. 278–279]. Вместе с тем, как утверждают отдельные исследователи, новая реальность настоятельно диктует правовой науке необходимость разработки и новых моделей правового регулирования цифровых сущностей, и определения цифровой правосубъектности [11, с. 149], в т. ч. и нового комплексного подхода к уголовно-правовому регулированию цифрового общества, что, возможно, потребует реформирования и пересмотра некоторых концептуальных основ уголовного права [12, с. 75–76], среди которых – признание роботов в качестве субъектов права, исходя из того, что они обладают самосознанием, быстро обучаются, способны испытывать чувство тревоги, вины [13, с. 65–74].

³ Лист Ф. фон. Учебник уголовного права : Общая часть / пер. с нем. Ф. Ельшевич ; предисл. автора и М. В. Духовского. – Москва: Товарищество типографий А. И. Мамонтова, 1903. – С. 124–125.

⁴ Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права : Часть общая : Кн. 1 : Вып. 1–3. – Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1874. Вып. 1: Учение о преступлении. – С. 9.

⁵ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) // СЗ РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700.

К настоящему моменту в рамках гражданско-правового анализа правовой сущности систем искусственного интеллекта предложено несколько вариантов определения их статуса: признание ИИ объектом права (в т. ч. источником повышенной опасности), отождествление его статуса с положением юридических лиц, разработка и внедрение принципиально новой концепции правового статуса электронного лица [14, с. 157–170].

Очевидно, что каждый из этих подходов предполагает и корреспондирующее ему решение вопросов, связанных с ответственностью за вред, причиненный системой искусственного интеллекта. При этом юристами разрабатываются как модели ответственности систем искусственного интеллекта, основанные на какой-либо одной исходной точке, определяющей статус данных систем [9, с. 134–140], так и мультимодальный подход, признающий «плавающую» правосубъектность ИИ в зависимости от его типа, изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки⁶. Важно заметить, что в любом случае в спектре этих моделей присутствует модель прямой ответственности непосредственно самой системы искусственного интеллекта за ее самостоятельные действия, которая основана на наделении этой системы статусом автономного субъекта права. Предпосылки такого решения усматриваются в т. ч. и в историческом опыте развития права, в прецедентах, где в качестве субъектов права рассматривались существа, не принадлежавшие к человеческому роду [15, с. 46].

Без погружения в анализ предлагаемых юристами моделей ответственности систем искусственного интеллекта в контексте рассматриваемой нами категории лиц в уголовном праве стоит заметить, вслед за С. И. Архиповым, что в эпоху тотальной цифровизации классические представления о субъекте права активно подвергаются критике с двух сторон. Во-первых, со стороны тех, кто предлагает включить в их состав новых субъектов права цифровые и иные нечеловеческие «сущности» (расширить круг субъектов и соответственно пересмотреть представления о них); во-вторых, тех, кто полагает, что нас ждет бессубъектное правовое будущее (право, в котором нет субъектов, нет человека) [16, с. 9].

Проблема уголовной ответственности систем искусственного интеллекта в контексте возможного наделения их статусом субъекта права должна рассматриваться в единой связке с проблемой уголовной ответственности юридических лиц, как часть общего дискурса о лицах в уголовном праве. Это, по сути, два аспекта единой, глобальной проблемы – признания субъектами преступления, субъектами ответственности и субъектами права сущностей, отличных от человека. Более того, эти два аспекта обладают синергетическим эффектом, взаимно усиливая наступательную критику на стандартный классический тезис о том, что лицом в уголовном праве может выступать только человек.

Трактаты правовой философии традиционно рассматривали такой феномен, как «субъект права», не в последнюю (а возможно, и в первую) очередь именно в связи с наличием у потенциально правоспособного участника правовых отношений разума и воли. Сегодня же эти предпосылки правосубъектности оказываются под весьма ощутимым прессингом, а новая рациональность, связанная с искусственным интеллектом и зачастую лишенная этической основы, не просто непонятна человеку, но и зачастую грозит ему лишением фундаментальных человеческих качеств.

В связи с этим многие авторитетные юристы, рассуждая о складывающейся конфигурации субъектов права, высказывают серьезные опасения относительно перспектив нравственно-правового прогресса, постулируя феномен дегуманизации права.

Т. Я. Хабриева прямо пишет: «Дегуманизация права проявляется в становлении идейной основы и практических попытках включения в состав субъектов права квазисубъектов «нового поколения» (нового вида), порожденных технологическим укладом “цифрового” общества»; «реализация подобного сценария может привести к стиранию в праве фундаментальных различий между привычными субъектами и объектами правовых отношений – людьми и предметами. Такая тенденция уже обозначилась. Есть основания полагать, что на данном этапе человеческой истории право людей будет противостоять праву имущества на фоне продолжающейся дегуманизации права и его инфантилизации (расширения субъектного состава)» [17, с. 82, 87]. Еще более остро реагирует на ситуацию И. А. Клепицкий. «Складывается впечатление, – пишет он, – что современное наше правосознание возвращается в темные века, похоже, что скоро снова начнут жечь ведьм» [7, с. 97].

Как можно заметить, в первой четверти XXI века человечеству вновь приходится решать фундаментальные правовые задачи, которые казались давно решенными. Потребность их решения, как и ранее, предопределяется практическими соображениями. Уголовно-правовая практика, прежде всего, нуждается в ответах на вопросы о том, кто будет нести ответственность в случае причинения общественно значимого, серьезного вреда в результате

⁶ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2018. – С. 31–32; 36–37.

«действий» юридических лиц и искусственного интеллекта. Однако поскольку в традиционном, классическом представлении субъект ответственности и субъект преступления – одно и то же лицо, практические соображения заставляют в теоретическом плане ставить вопрос о признании нечеловеческих существ субъектом преступления, а, следовательно, и субъектом уголовного права. По какой бы линии (восходящей или нисходящей) не развивались рассуждения – от субъекта ответственности к субъекту права либо от субъекта права – к субъекту ответственности, положительное решение вопроса на одном из полюсов анализа с необходимостью предполагает таковой и на другом.

Однако такая линейная логика представляется не вполне приемлемой именно в силу своей прямолинейности. Возможность и необходимость применения мер воздействия к неличностным субъектам никогда и никем в истории, по большому счету, не оспаривалась. Однако отождествление субъекта ответственности и субъекта преступления влечет за собой целый комплекс теоретико-прикладных проблем, которые способны, как бы это громко ни звучало, разрушить концепцию самого уголовного права. Речь идет о том, что наделение неличностных субъектов статусом субъекта преступления «взрывает» учение о составе преступления как центральную, системообразующую отраслевую концепцию. Оно предполагает, по сути своей, разработку для таких субъектов параллельного учения о составе преступления, которое включало бы принципиально иные положения о вине, о действии, о механизме и способах причинения вреда, о причинной связи. Кроме того, оно с необходимостью предполагает фундаментальную перестройку учения об уголовно-правовых отношениях и опять же удвоение этого учения за счет разработки теории правоотношений с участием неличностных субъектов. Наконец, оно предполагает и пересмотр принципов уголовного права, прежде всего цивилизационно значимых принципов вины и личной ответственности.

Решиться на такую трансформацию уголовного права без предвидения и осознания существенных социальных издержек едва ли возможно. Но осознание самих издержек служит надежной страховкой от поспешных решений в рассматриваемой области правового регулирования.

В качестве компромиссного решения проблемы, обеспечивающего, с одной стороны, позитивное решение прагматических задач применения мер воздействия в отношении неличностных субъектов права, а с другой стороны, сохранение в неприкосновенности фундаментальных основ уголовного права, в науке предложена концепция различения субъектов преступления и субъектов ответственности.

О проблеме уголовной ответственности юридических лиц писал еще Б. В. Волженкин. «Целесообразно различать субъект преступления и субъект уголовной ответственности, – утверждал автор. – Преступление как общественно опасное противоправное и виновное деяние может совершить только физическое лицо, обладающее сознанием и волей. Именно такое деяние, содержащее все признаки соответствующего состава преступления, является основанием уголовной ответственности. А вот нести уголовную ответственность за такие деяния могут не только физические, но, при определенных условиях, и юридические лица. Следовательно, задача состоит в том, чтобы определить условия, при которых юридическое лицо будет нести уголовную ответственность за преступление, совершенное физическим лицом, и наряду с физическим лицом» [18, с. 24].

Однако при всей внешней привлекательности такого решения с теоретической точки зрения оно выглядит весьма сомнительным. Г. В. Назаренко критикует идею различения субъектов преступления и субъектов ответственности, опираясь на положения уголовного закона, и отмечает, что «при таком подходе без внимания остается законодательный концепт, закрепленный в ст. 19 УК РФ, так как в ней идет речь об общих условиях уголовной ответственности, относящихся к физическому лицу. Соответственно, законодательным концептом является “субъект уголовной ответственности”, сопоставимый с субъектом преступления, указанным в ч. 4 ст. 34 УК РФ. С точки зрения действующего УК РФ субъект уголовной ответственности и субъект преступления являются синонимичными понятиями» [19, с. 65].

Признавая право автора на собственное решение вопросов соотношения субъектов ответственности и субъектов преступления и поддерживая в целом его критический настрой, позволим себе не согласиться с системой предлагаемых аргументов. Субъект ответственности и субъект преступления – не только не синонимичные понятия, но и понятия, имеющие различную смысловую и функциональную нагрузку. Другое дело, что статус лица, подлежащего ответственности, – это один из этапов развития индивидуального правового статуса лица, совершившего преступление, которое должно обладать признаками субъекта преступления.

Потому гораздо более убедительными, с нашей точки зрения, выглядят в данном случае аргументы П. П. Иванцова. Он пишет: «Следует признать неверной концепцию разделения понятий “субъект преступления” и “субъект уголовной ответственности”. Поскольку ретроспективная уголовная ответственность должна пониматься как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть государственное порицание, выражающееся в негативной оценке судом самого лица и его деяния, а также понести соответствующее наказание, а такая обязанность ни при каких условиях не должна быть переложена с лица, совершившего преступление, на третье лицо, следовательно, уголовная ответственность должна быть возложена не на юридическое, а на физическое лицо, непосредственно совершившее преступление»⁷.

Таким образом, признание юридических лиц, а равно и систем ИИ субъектами уголовной ответственности без предварительного признания их лицами, совершившими преступление, то есть иными словами – субъектами уголовного права, недопустимо. Попытки решить данный вопрос на основе идеи различения понятий «субъект ответственности» и «субъект преступления» приводят к конструированию законоположений, допускающих применение мер уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц лишь за один факт их причастности к совершению преступления, без установления вины как общего и фундаментального основания ответственности. Именно такое решение можно наблюдать в известном законопроекте, разработанном Следственным комитетом Российской Федерации⁸, который именно в силу этого обстоятельства подвергается в доктрине развернутой и вполне обоснованной критике [20, с. 26–30]. Регламентация применения мер уголовно-правового характера в отношении юридических лиц вне концепции вины (фактически по аналогии с мерами воздействия в отношении животных в средневековом праве), преследующая исключительно прагматические цели, создает гораздо больше проблем, нежели отсутствие правовых оснований для применения мер воздействия в отношении корпораций за совершенные ими правонарушения.

Обсуждение

Обсуждение проблем уголовной ответственности юридических лиц в российской уголовно-правовой науке, как представляется, привело к разработке и обоснованию всех возможных теоретических вариантов ее решения. Менее развито решение вопроса об уголовной ответственности систем искусственного интеллекта. Но и тут, полагаем, возможные варианты не будут принципиально отличаться. По сути, речь идет о трех мыслимых сценариях:

а) отрицание ответственности неличностных субъектов с допущением применения к ним мер воздействия за пределами отрасли уголовного права в административно-правовом или гражданско-правовом порядке;

б) признание уголовной ответственности таковых субъектов с приспособлением для этих целей имеющихся или созданием параллельных уголовно-правовых конструкций, объясняющих особенности вины, причинной связи и целей наказания;

в) разработка в рамках уголовного права отличной от традиционной, личностно ориентированной уголовной ответственности, системы «квазиуголовных» мер воздействия в отношении неличностных субъектов, вплоть до возможности их применения при отсутствии вины (как это имеет место, к примеру, в отношении невменяемых лиц).

Выбор между этими сценариями, как полагаем, не может обосновываться соображениями уголовной политики. Политика (будучи сама по себе проявлением выбора) не обосновывает выбор как таковой, не раскрывает его оснований. С прагматической точки зрения успешным может оказаться любой вариант, а потому выбор между имеющимися вариантами, как представляется, есть выбор между подчеркнуто уголовно-правовыми теориями.

На уровне высоких (и максимально абстрактных в силу своей высоты) обобщений уголовное право может быть сведено к двум группам конкурирующих теорий: инструментальные и моральные. Инструментальные теории рассматривают уголовное право как технику или инструмент, которые могут быть использованы для достижения различных возможных целей, как эффективный метод достижения стоящих перед государством задач, среди которых – бесперебойное функционирование общества и сохранение

⁷ Иванцов П. П. Проблемы ответственности юридических лиц в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 6–8.

⁸ Проект федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» // Следственный комитет Российской Федерации : [официальный сайт]. – URL: <https://sledcom.ru/document/1133> (дата обращения: 03.05.2024).

порядка. При этом для инструменталистов вопрос о том, является ли уголовное право подходящим для решения этих задач институтом, является случайным: уголовно-правовое воздействие уместно, если и потому, что оно вносит эффективный вклад в достижение целей, которые мы ставим перед государством. На другом полюсе теоретического спектра, напротив, располагаются теории, которые в центр внимания уголовного права ставят безнравственность и моральную виновность. С точки зрения моральных теорий уголовного права оно направлено на защиту свободы личности путем привлечения к ответственности только тех, у кого была справедливая возможность избежать ее, а функция уголовного права заключается в наказании всех и только тех, кто морально виновен в совершении какого-либо морально противоправного действия. Этим теориям в известной степени корреспондирует и представление об адресатах уголовного закона. Согласно мнению одних исследователей, закон не адресован гражданам, он, скорее, адресован судам, устанавливая, какие действия они должны предпринять при соблюдении определенных условий. С точки зрения других авторов, закон есть прежде всего «правила для граждан»; определяя, какие виды поведения являются преступными, а какие допустимы по закону, закон обращается ко всем нам, к тому, что мы можем делать, а что нет [21].

Именно с позиции этой дихотомии и стоит решать вопросы об уголовной ответственности юридических лиц или систем искусственного интеллекта. Разумеется, уголовное законодательство и практика его применения никогда и нигде не придерживались строго какой-либо философской теории или группы теорий. Государство в рамках реализации уголовной политики опиралось и сочетало (органично или нет – иной вопрос) любые из них. Однако и в рамках теоретических рассуждений выбор между философским пониманием сути и назначения уголовного права не может быть правильным или неправильным. Он, по сути, есть выбор мировоззренческий.

Заключение

В нашей картине мира уголовное право прежде всего система норм, призванных гарантировать социально приемлемое поведение граждан на основе общих разделяемых ценностей. Ценностная система общества, включая ценности и нормы морали, по природе своей предназначена для обеспечения самосохраняющей стабильности и создания условий для развития общества. Поведение, создающее угрозу этой стабильности, и есть социальная основа для криминализации. Последствия же этого поведения, причиняемый им конкретный имущественный, физический вред хотя и имеют значение, тем не менее не определяют самой по себе необходимости в существовании уголовного права. Такие последствия вполне могут быть компенсированы или устранены средствами гражданского права. Суть преступления не в факте их наступления (причинения), а в разрешении системы охраняющих общество ценностей и норм.

По этой причине оправдывать применение мер уголовно-правового воздействия в отношении корпораций или систем искусственного интеллекта ссылками на то, что причиняемый их действиями вред велик и не может быть эффективно возмещен мерами ответственности в отношении физических лиц, едва ли правильно. Во-первых, штрафные и компенсационные санкции не составляют сути уголовного права, они успешно могут (и должны) применяться за его рамками. А во-вторых, нормы, нарушаемые неличностными субъектами, не созданы этими субъектами или для этих субъектов, не могут восприниматься ими по вполне очевидным причинам. Более того, сами неличностные субъекты создаются человеком (в идеале, конечно) для того, чтобы укрепить, поддержать ценностно-нормативную систему человеческого общества. В связи с этим уголовное право должно реагировать не столько на причинение вреда юридическими лицами или системами искусственного интеллекта, сколько на факты использования человеком неличностных субъектов для нарушения социальных норм и в целях причинения вреда.

Список литературы

1. Орлов В. С. Субъект преступления по советскому уголовному праву. – Москва: Госюриздат, 1958. – 260 с.
2. Эльжановский А., Петжиковский Т. Животные как не-личностные субъекты права // Человек. – 2017. – № 5. – С. 25–37.
3. Наумов А. В. Предприятие на скамье подсудимых? // Советская юстиция. – 1992. – № 11. – С. 3.
4. Наумов А. В. Уголовный закон в условиях перехода к рыночной экономике // Советское государство и право. – 1991. – № 2. – С. 28–35.

5. Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм уголовного кодекса // Государство и право. – 1992. – № 6. – С. 78–86.
6. Кибальник А. Г., Волосяк П. В., Демин С. Г. Вопросы уголовной ответственности юридических лиц : монография. – Москва: Юрлитинформ, 2017. – 190 с.
7. Клепицкий И. А. Новое экономическое уголовное право : монография. – Москва: Проспект, 2021. – 984 с.
8. Антонова Е. Ю. Технологии искусственного интеллекта – субъект преступления или орудие/средство совершения преступления? // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2022. – № 14 (1). – С. 31–39; <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
9. Некрасов В. Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. – 2019. – № 5. – С. 134–140; <https://doi.org/10.31857/S013207690004886-6>
10. Шмяткова Н. В. Искусственный интеллект: субъект или способ совершения преступления // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – С. 276 – 279; <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>.
11. Самольсов П. В. Цифровая правосубъектность: феномен или фикция? // Systems and Management. – 2019. – Т. 1, № 4. – С. 144–160.
12. Воронин В. Н. Уголовно-правовые риски развития цифровых технологий: постановка проблемы и методы научного исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52). – С. 73–80; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080>.
13. Верещагина Н. В. Роботы, искусственный интеллект и восстание машин: мифология НТР и научная фантастика // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. – 2016. – № 3. – С. 65–74.
14. Архипов В. В., Наумов В. Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. – 2017. – № 5. – С. 157–170.
15. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 36–55.
16. Архипов С. И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. – 2023. – № 4 (43). – С. 7–16; [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).01](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).01)
17. Лекторский В. А., Васильев С. Н., Макаров В. Л. [и др.] Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В. А. Лекторского. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. – 326 с.
18. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 40 с.
19. Назаренко Г. В. Субъект преступления как понятие, концепт и действующее лицо // Вестник Ессентукского института управления, бизнеса и права. – 2016. – № 12. – С. 63–67.
20. Есаков Г. А. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. – 2011. – № 3. – С. 26–30.
21. Duff A. Theories of Criminal Law / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford University, 2002. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/criminal-law> (дата обращения: 08.07.2024).

References

1. Orlov V. S. Sub"yekt prestupleniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. – Moskva: Gosyurizdat, 1958. – 260 s.
2. El'zhanovskiy A., Petzhikovskiy T. Zhivotnyye kak ne-lichnostnyye sub"yekty prava // Chelovek. – 2017. – № 5. – S. 25–37.
3. Naumov A. V. Predpriyatiye na skam'ye podsudimyykh? // Sovetskaya yustitsiya. – 1992. – № 11. – S. 3.
4. Naumov A. V. Ugolovnyy zakon v usloviyakh perekhoda k rynochnoy ekonomike // Sovetskoye gosudarstvo i pravo. – 1991. – № 2. – S. 28–35.
5. Kuznetsova N. F. Tseli i mekhanizm ugovolnogo kodeksa // Gosudarstvo i pravo. – 1992. – № 6. – S. 78–86.
6. Kibal'nik A. G., Volosyuk P. V., Demin S. G. Voprosy ugovolnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits : monografiya. – Moskva: Yurlitinform, 2017. – 190 s.
7. Klepitskiy I. A. Novoye ekonomicheskoye ugovolnoye pravo : monografiya. – Moskva: Prospekt, 2021. – 984 s.

8. Antonova Ye. Yu. Tekhnologii iskusstvennogo intellekta – sub”yekt prestupleniya ili orudiye /sredstvo soversheniya prestupleniya? // Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2022. – № 14 (1). – S. 31–39; <https://doi.org/10.31429/20785836-14-1-31-39>.
9. Nekrasov V. N. Ugolovnaya otvetstvennost’ robotov: aktual’nyye problemy i napravleniya dal’neyshego razvitiya // Gosudarstvo i pravo. – 2019. – № 5. – S. 134–140; <https://doi.org/10.31857/S013207690004886-6>
10. Shmyatkova N. V. Iskusstvennyy intellekt: sub”yekt ili sposob soversheniya prestupleniya // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. – 2023. – № 5. – S. 276 – 279; <https://doi.org/10.24412/2312-0444-2023-5-276-279>.
11. Samolysov P. V. Tsifrovaya pravosub”yektnost’: fenomen ili fiktsiya? // Systems and Management. – 2019. – Т. 1, № 4. – S. 144–160.
12. Voronin V. N. Ugolovno-pravovyye riski razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy: postanovka problemy i metody nauchnogo issledovaniya // Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina. – 2018. – № 12 (52). – S. 73–80; <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.52.12.073-080>.
13. Vereshchagina N. V. Roboty, iskusstvennyy intellekt i vosstaniye mashin: mifologiya NTR i nauchnaya fantastika // Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politekhnicheskogo universiteta. Kul’tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo. – 2016. – № 3. – S. 65–74.
14. Arkhipov V. V., Naumov V. B. O nekotorykh voprosakh teoreticheskikh osnovaniy razvitiya zakonodatel’sтва o robototekhnike: aspekty voli i pravosub”yektности // Zakon. – 2017. – № 5. – S. 157–170.
15. Yastrebov O. A. Pravosub”yektnost’ elektronnoy litso: teoretiko-metodologicheskiye podkhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk. – 2018. – Т. 13, № 2. – S. 36–55.
16. Arkhipov S. I. Sub”yekt prava v tsifrovuyu epokhu // Vestnik Gumanitarnogo universiteta. – 2023. – № 4 (43). – S. 7–16; [https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4\(43\).01](https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2023.4(43).01)
17. Lektorskiy V. A., Vasil’ev S. N., Makarov V. L. [i dr.] Chelovek i sistemy iskusstvennogo intellekta / pod red. V. A. Lektorskogo. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr, 2022. – 326 s.
18. Volzhenkin B. V. Ugolovnaya otvetstvennost’ yuridicheskikh lits. – Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy yuridicheskiy institut General’noy prokuratury RF, 1998. – 40 s.
19. Nazarenko G. V. Sub”yekt prestupleniya kak ponyatiye, kontsept i deystvuyushcheye litso // Vestnik Yessentukskogo instituta upravleniya, biznesa i prava. – 2016. – № 12. – S. 63–67.
20. Yesakov G. A. Mery ugolovno-pravovogo kharaktera v otnoshenii yuridicheskikh lits: kriticheskaya otsenka // Ugolovnoye pravo. – 2011. – № 3. – S. 26–30.
21. Duff A. Theories of Criminal Law / The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Stanford University, 2002. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2017/entries/criminal-law> (дата обращения: 08.07.2024).

Статья поступила в редакцию 08.06.2024; одобрена после рецензирования 07.08.2024; принята к публикации 05.09.2024.

The article was submitted June 8, 2024; approved after reviewing August 7, 2024; accepted for publication September 5, 2024.